

## Воспоминания ликвидатора

Беседа с участником ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС Виктором Борисовичем Гайко

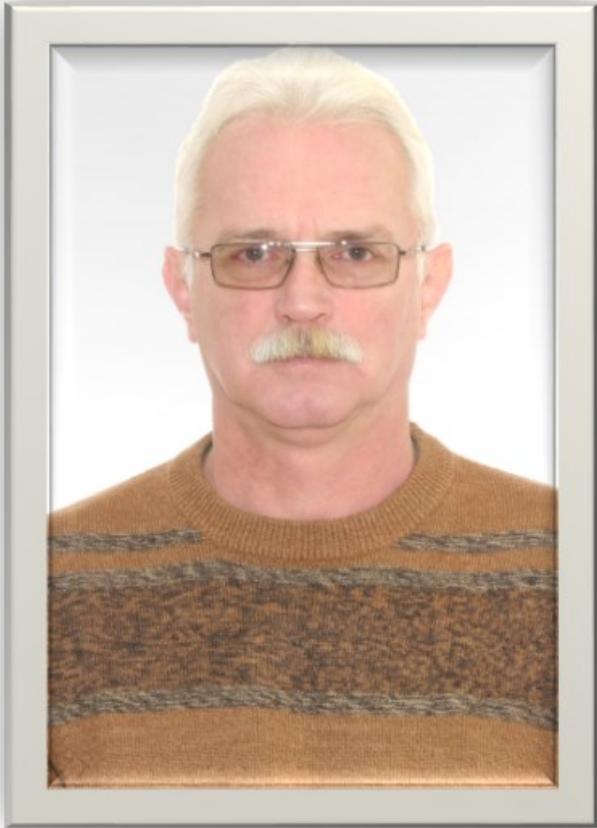


С 1986 года дата 26 апреля для всего человечества стала напоминанием о самой крупной техногенной аварии современности, когда произошёл взрыв на четвертом блоке Чернобыльской атомной электростанции. В результате аварии был полностью разрушен реактор, в окружающую среду попало огромное количество радиоактивных веществ.

Устранением последствий аварии занимались разные ведомства, в 30-километровой зоне вокруг АЭС работали специалисты отрасли и военнослужащие. Всех их позднее стали называть ликвидаторами.

Из двух с половиной тысяч человек, направленных из Ленинградской области на ликвидацию последствий аварии, 1380 – это те, кто проживал и работал в Сосновом Бору, городе атомщиков. В первые дни трагедии от нашего института в Чернобыль были командированы 13 дозиметристов, всего же среди сотрудников НИТИ насчитывалось 55 ликвидаторов.

В 1987 году на Чернобыльскую атомную станцию был командирован Виктор Борисович Гайко, в настоящее время сотрудник отдела химико-технологических исследований НИТИ.



Виктор Борисович родился в 1954 году в семье офицера, и география его местожительства широка: Калининская область, Балтийск, Свиноуйсьце, Рига, Североморск. По окончании Политехнического института в Санкт-Петербурге молодой специалист Виктор Гайко устроился работать в научно-исследовательский отдел «Всесоюзного научно-исследовательского и проектного института энергетической технологии» (ВНИПИЭТ), в котором проводилась отработка технологий дезактивации и испытания технических средств дезактивации, выполнялись работы в области контроля водно-химических режимов АЭС, транспортирования отработавшего топлива, переработки жидких и твердых ра-

диоактивных отходов и другим направлениям. Располагался отдел на территории Научно-исследовательского технологического института имени А.П. Александрова в г. Сосновый Бор, в специально построенном в начале 1970-х годов здании научно-исследовательской опытной базы (здание 500).

Представляем вашему вниманию материалы беседы, которая состоялась с ним накануне 36-летней годовщины со дня трагедии.

\*\*\*

«В составе нашего отдела существовали подготовленные специалисты, которые в случае чрезвычайных происшествий направлялись при необходимости на различные радиационно-опасные объекты. Когда произошла Чернобыльская авария, мои товарищи сразу же выехали в район ЧАЭС, туда же вылетел начальник лаборатории, профессор Виктор Пантелеевич Шамо́в. Их задачей было обосновать организацию зоны отчуждения и временные нормативы, которых затем официально придерживались в ходе ликвидации аварии и её последствий. Я же приехал в Чернобыль в начале 1987 года в составе оперативной группы ВНИПИЭТ. Занимались в основном обследованиями, разработкой рекомендаций по дезактивации, а также, под руководством В.П. Шамова, расчётом необхо-

димой численности дополнительного персонала для обслуживания 3-го энергоблока ЧАЭС. Нам нужно было определить, сколько требовалось дополнительно привлечь специалистов, чтобы избежать переоблучения основного оперативного персонала. Наша бригада находилась в Чернобыле постоянно, менялся только состав, в среднем работа сотрудника в зоне ЧАЭС - один месяц. За 1987 год, например, у меня было пять подобных командировок.

В 1987 году начались работы по обследованию взорвавшегося

4-го блока. Пробивали маршруты, обследовали топливные массы, брали пробы, делали фотографии. Такие работы были важны, нужно было многое исследовать, ведь ВНИПИЭТ являлся проектировщиком объекта, получившего название «Укрытие».

Я даже не фотограф, я лампочку держал (смеется). К сожалению, не сохранился снимок, где я держал рейку с делениями рядом с реакторной опорой. Фотографировал Александр Пехтерев, он тоже на «пятисотке» (здание 500) работал.



Вот на этом круге (на фото) стоит реактор. В момент взрыва он сорвался и упал на дно подреакторного помещения. Само помещение глубиной 6 метров, реактор провалился метра на 3. Вот нижняя часть реактора, вот кусочки графитовой кладки, видите? Вот это нижние водяные коммуникации. Потом все это залили бетоном.

В это помещение было очень трудно добраться: сначала нужно было пролезть через один специально пробитый в полу проём, потом пройти через помещение, затем по оставшейся щели высотой около 40 см проползти три-четыре метра в подреакторное помещение. Уровень радиоактивного загрязнения очень высокий. Но подготовились хорошо, сначала сделали предварительный заход и отработали маршрут. Прикинули время, измерили дозы на разном уровне, спланировали режим: насколько быстро идти, где идти (поближе к стене или, наоборот, подальше), где быстро проползти, где достать спрятанный в двух мешочках фотоаппарат (терять-то жалко, если станет грязным), где перчатки верхние снять, когда и куда свет протащить, включить. Кстати, у нас не было ни одного факта переоблучения за весь период работ, а этот снимок был сделан в ноябре 1988, спустя два года после аварии».

- *Всё должно быть очень чётко спланировано?*

- Да. Ведь бывали случаи, когда товарищ получал дозу, которая не позволяла работать в грязной зоне в течение оставшегося срока командировки, потому что он задерживался в этой зоне сверх положенного времени, пытаюсь сделать или доделать работу, например, когда работали в центральном зале, в том, что от него осталось. Дозиметры бросали на

шнурках, потом вытаскивали. Товарищ забросил дозиметр, а он застрял. В результате в попытке вытащить дозиметр задержался сам, пришлось ждать и сопровождающему (страхующему), так как в опасные зоны по одному ходить было нельзя. В принципе, допустимо, но поскольку на весь срок командировки на каждого планировалась определенная доза облучения, то для этих товарищей пришлось организовать более щадящий режим, предусматривающий в основном работу с документами и рекомендациями.

- *Как родные отнеслись к тому, что Вас командировали в Чернобыль?*

- Как отнеслись? Молча (смеется). Папа – военный, мама – жена военного, этим все сказано. А у коллег по-разному.

- *А сами? Страх был?*

- Мы оптимистично ко всему относились. Честно говоря, профессионально мы были к этому готовы. Начиная с кафедры в институте, работали с открытыми источниками, некая культура была уже, ну и ребята мы были молодые... Сколько мне тогда было, я 54-го года, 33 года – молодой специалист по современным меркам. Конечно, люди по-разному относились, были и очень мнительные. Нагрузки были, конечно, большие. Один из состава наших бригад скончался – не выдержало сердце. У двоих нача-

лись проблемы с психикой. Радиацию же не видно, вроде ничего и нет, а из зоны не выйдешь, пока до конца не отмоешься. Помоешься раз, два, три – «грязный». Чувствуешь, что-то не то. Как-то пришлось идти на выход голым. Прошёл. Оказалось, бельё выдали недостаточно чистое – на объекте в нём можно работать, а в город выйти уже нельзя.

Вот ещё забавный случай. Летом 1986 года коллега, мой тёзка, вернулся из командировки. Тогда ещё «грязно» было даже там, где мы жили, поэтому по многу раз переодевались. Подушки, бельё тоже «грязные» были. Приехал товарищ домой, жена ему дверь открыла, а он встал в коридоре, достал мешок, тут же на коврике разделся, вещи в мешок, и уже босиком в трусах пошёл в квартиру.

*- А в каком режиме приходилось работать? День был нормированным?*

- Когда в Иванкове жили (50 км от Чернобыля) – подъём в 6 утра, минут 40 едем до штаба в Чернобыле, потом завтрак, оперативка, распределение по работам, разъезжаемся, работаем. Ужин в 6-7 вечера, потом обратно. А в общем, по обстановке. На объекте мы работали, как правило, до пяти, а остальное: расчёты сделать, подготовить документы, картограммы нарисовать - это в свободное от работы время, ведь

утром ты должен рекомендации и обоснование передать руководству...

*- То есть, свободного времени то и не было. А выходные?*

- Ну, да (смеется). Выходные? В первое время получалось только один – два выходных за месяц. Позже старались сделать хотя бы один выходной в неделю. Вспомнился случай. Выходной день. Начальник отдела, руководитель бригады, ушёл на заседание правительственной комиссии. Ждём. Приехал. Начал распределять работы на завтра. Тёзке моему говорит: «Ну что, Витя, пойдёшь завтра на промплощадку, надо разобраться с кранами, к 14 часам вернёшься, доложишь результаты и подготовишь рекомендации». Тот отвечает: «Я не успею». Посмотрел на него начальник: «Ну что ж, тогда доложишь к 12:00». И вот, несмотря на выходной, весь вечер работаем, готовимся. У нас тогда разногласия возникли с Курчатовским институтом и с экспедицией из Арзамаса по работе на кровле третьего блока. Доложить надо к 10 утра. Семь-восемь вечера, как успеть? Договорились с транспортом, встали пораньше, на улице мороз. В 7 утра втроём, представители трёх организаций, пошли делать соответствующие замеры, успели вернуться, составить отчет, подписать и передать руководству. Надо было всё сделать быстро, потому что

ребята должны работать дальше, им нужны инструкции. А там непростой момент был, мнения разошлись. Что-то я не учел, что-то они...

- *Виктор Борисович, зона отчуждения 30 км была, а местное население там проживало?*

- Про 1986 год не скажу. Там многих в приказном порядке вывозили, но в 1987 уже много людей вернулось. Жили в деревнях, в своих домах, скотину держали, в лес ходили. И мы собирали там грибы. В 1987 можно было есть всё, кроме клубники.

- *Почему именно клубники?*

- Верхний слой почвы с весны 1986 года ведь не перекапывался. Всё, что на земле росло – травка, клубничка - было «грязным». Яблоки и груши уже в 1986 были чистые, мы же проверяли. Сердцевину с плодоножкой только надо было выкидывать, так как на момент аварии деревья уже отцвели и завязь была заражена, а вот то, чторосло на них потом (мякоть), было чистым, но из-за риска вторичного подъёма пыли, конечно, нужно было хорошо помыть, шкурку почистить.

- *Вы уехали на ЧАЭС будучи сотрудником ВНИПИЭТ, как случилось, что стали работать в НИТИ?*

- В 1992 году мы были откомандированы на уже независимую Украину. При Национальной академии наук Украины был органи-

зован Межотраслевой научно-технический центр «Укрытие». Там мы и работали, передавали дела, так сказать. А у нас в 90-е годы всё было непросто, отдел в здании 500 фактически развалился. В НИТИ у меня было много знакомых ребят, в отделе химико-технологических и металлургических исследований имела подходящая тематика работы. В 1994 году я вернулся из командировки, и сотрудник ОХТМИ Геннадий Григорьевич Леонтьев пригласил меня работать к ним в лабораторию, где на тот момент активно развивалось направление по созданию автоматизированных систем радиационного контроля. В 2002 году был закончен проект такой системы, а в 2003 году мы уже осуществили поставку автоматизированной системы радиационного контроля в Китай.

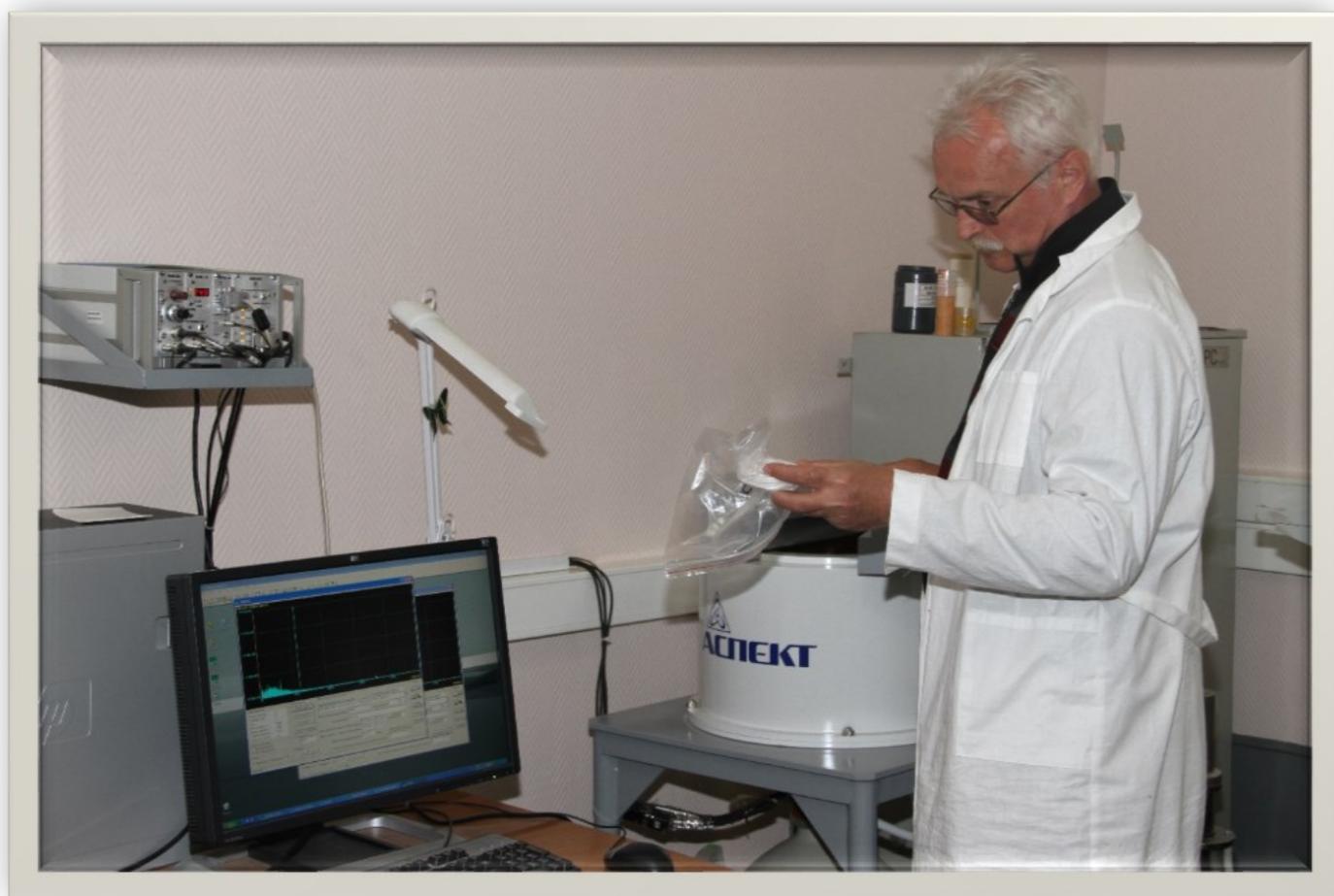
- *Как Вы думаете, насколько велик риск повторения подобной ситуации? Или мы уже научены опытом?*

- С моей точки зрения, с учётом имеющихся у меня знаний и опыта, повторение именно такой ситуации в принципе невозможно. Там были особые обстоятельства, чисто технические, многое описано в литературе. Подобные случаи на современных реакторах типа ВВЭР и БН невозможны. Какие-то аварийные события, связанные с локальными выбросами радиации в окружающую среду, теоретически исключить нельзя.

Но представьте себе такую ситуацию. Вы едете на автомобиле и знаете, что впереди очень крутой незнакомый поворот и ехать там с большой скоростью нельзя, однако, решили попробовать. Кто вам судья? Заходите на скорости в поворот, а ситуация усугубляется лужей или выбоиной на дороге, «лысой» резиной и так далее. Подобное случилось и на ЧАЭС...

*- Не хотите сказать что-нибудь своим коллегам и всем, кто так или иначе связан с атомной энергетикой накануне Дня участников ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф и памяти жертв этих аварий и катастроф?*

- Хочу пожелать всем здоровья, и чтобы приобретённый нами опыт никогда не пригодился.



Так закончилась наша беседа в Виктором Борисовичем Гайко, который сегодня успешно трудится в нашем институте ведущим инженером группы разработки оборудования систем контроля и автоматизации отдела химико-технологических исследований.

Анна Михасишина